

1/295

ПРОЛЕТАРСКОЕ

Декабрь 1919 г. =
= Январь 1920 г.
№ 5-6-й.

— ЕЖЕМЕСЯЧНИК —
Губисполкома Советов и Губкома Р. К. П. (большевиков)
г. Тулы и Тульской губернии.

Борис

32

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОТДЕЛ.

РАСССРЕЛ.

Морозная и ясная ночь.

Звенящая и чуткая тишина. Строго-красив и далек холодно-огненный, путанный узор ярких звезд.

Над маленьким приисковым сибирским городком торжественно плывет гул колоколов.

Город со всех сторон обступила глухая, непроходимая тайга. В суровом величии и гордой красоте сплошной зеленой стеной, обнявшись, стоят под пушистыми шапками снега пихты и кедры.

Занесенные снегом улицы тихи и безлюдны. Из сугробов выглядывают с'ежившиеся от холода хмурые и черные лачуги. Кое-где в маленьких, замерзших окошках светятся пугливые огоньки...

К тюрьме, большому и мрачному зданию, тяжелым, размеренным шагом подходит небольшой отряд вооруженных людей и останавливается перед железными, наглухо запертыми воротами, с квадратным окошечком.

— Вольно! — тихо раздается команда.

Вооруженные люди спускают с плеч винтовки и, греясь, топчутся на одном месте и припрыгивают. Начальник отряда, с носом закутанный в башлык, спрыгивает с лошади и подходит к черному квадрату окошечка.

— Пароль? — спрашивает голос из-за ворот.

— Шадринск.

— Шпага — отвечает тот же голос.

Тяжелые, железные ворота с визгом отворяются и, пропустив отряд во двор, опять захлопываются.

Железный переплет решетки вторых ворот на тюремный двор. Маленькая собачка вертится под ногами надзирателя; гроыхнув связкой ключей и открыв замок, угодливо роспахнул перед начальником отряда решетчатую калитку.

Отрядники один за одним проходят и строятся в две шеренги. В углу двора, около заиндеветшей от мороза кирпичной стены, на высоком столбе раскачивается от ветра газовый фонарь. Светло от снега, звезд и холодного, сине-золотого месяца. На лицевой стороне тюремного корпуса жутко чернеют два ряда квадратных окон.

Тюремная администрация уже предупреждена. Начальник тюрьмы, маленький вертлявый человечек проворно шныряет между вооруженными людьми и нервничая, торопливо сыпет:

— Ну, господа, я надеюсь... Смотрите в оба!

— Ничего, все будет хорошо.

— Не первый раз...

— Будьте покойны — уверенно басит начальник отряда.

— Я думаю, я думаю!

Оба начальника идут в канцелярию.

В кабинете тепло и уютно. Стоящая на столе под зеленым, шелковым абажуром лампа льет матовый неяркий свет. По стенам развешаны царские портреты в тяжелых золотых рамах.

Глубоко усевшись в кресло, начальник тюрьмы потягивает коньяк и непринужденно болтает о последних тюремных новостях. Рассказывает о вновь прибывшей, большой партии красноармейцев, о неудавшемся побеге с работ двух алтайских рабочих.

Начальник отряда заметно волнуется, с видимым нетерпением слушает болтовню своего друга и посмóтрев на часы, торопится.

— Пора, пора... Страшно спешу!

— Еще стаканчик — предлагает приятель.

Выпивают.

— У вас списки готовы?

— Все в исправности... Вот-с извольте!

— Тридцать?

— Тридцать.

— А, слышали — по привычке подкручивая перед зеркалом усы, спрашивает один начальник другого — на фронтах наше дело, как будто того... а?

— Пустяки!.. Временный отход, по стратегическим соображениям. Поверьте мне!

Захватив с собой человек двадцать тюремной стражи, вооруженной револьверами и шашками, пошли по узкому, длинному коридору. Шаги гулко раздаются по асфальтовому полу и пугают палачей. Поднимаются на второй этаж.

— Камера 67!

Тихо звякнули ключи. Заскрежетав на ржавых петлях, с глухим стоном отворилась дверь и на людей, только что вошедших с морозного воздуха, пахнуло вонью, сыростью и гнилью.

Полосы света двух фонарей пугливо шарят по камере, скользят и освещают стены, нары, грязный пол, прижавшиеся друг к другу, спящие, серые фигуры.

Стража пинками поднимает с полу арестованных.

Начальник тюрьмы подносит список к фонарю и читает:

— Чунаков, Ушит, Кирсанов, Хрипушин, Першин, Комкевич — выходи.

Арестанты протирают глаза.

— Куда?

— Зачем?

— Не разговаривай. — Удар прикладом.

Вдруг кто-то крикнул.

— Расстреливать ведут!

Трепет пробежал по арестантской массе.

В камере все перемешалось. Мелкий торговец Кирсанов, арестованный „по подозрению в сочувствии коммунизму“ ползал по грязному полу, дрожащими руками ловил за ноги тюремную стражу и плачущим голосом выл.

— Ваша, ваша милость!.. Не виноват я! О-о-о!

Многосемный старик — рабочий Першин забился под нары, но оттуда его выгнали и выволокли в корридор. Остальные арестованные угрюмо ждали: что будет?

Из соседних камер также выдергивали приговоренных к расстрелу товарищей.

На подмогу тюремной страже пришли отрядники, которые были все добровольцы — белогвардейцы.

Арестованных вывели по одному, по двое, — и во дворе выстроили в шеренгу.

Камеры проснулись. К „волчкам“ подбегают заключенные, видны их сверкающие глаза.

Выводят последних арестованных. Тюрьма волнуется, бунтует. В двери бьют кулаками, ногами, несутся крики, ругань, свист.

— Палачи!

— Звери,... звери!

— Прощайте, товарищи!

— Будем помнить.

— Отомстим!

— Прощайте!

Сотни невидимых рук судорожно вцепились в железные решотки и, кажется, потрясают тюрьму до основания.

Корридоры пуста. В камерах слышатся дикие вопли и рыдания.

— Прощайте, товарищи!

Вслед обреченным на смерть несутся пламенные слова величественного марша.

Вы жертвою пали в борьбе роковой.

Казалось, сама тюрьма стонет и злобно, глухо рыдает по ушедшим товарищам.

За воротами приговоренных построили по три в ряд, окружили плотным кольцом штыков и начальник скомандовал.

— Шагом, арш!

Пошли. Снег скрипит и хрустит под ногами. Сухой, холодный ветер жжет лица.

Красноармеец Чунаков идет во главе колонны и думает... Быстро думает о многом.

Мысль, точно муха, попавшая в паутину, мучительно и бессильно бьется — неужели конец? — с ужасом думает он и по привычке

старается шагать в ногу с рядом идущими товарищами. — Неужели конец?

Миновали городскую окраину и вышли на снежную равнину, печальную и безмолвную. Таежной лесной дорогой вести приговоренных боялись. Могли разбежаться.

Чунаков шел, по колена увязая в сухом, сыпучем снегу и вспоминал последние полгода своей жизни.

... Первый раз их дивизию жестоко потрепали на Волге. Полк, в котором состоял Чунаков, отходил в широкие Оренбургские степи, отбиваясь от наседавшего врага. Редкий день проходил, чтобы из строя не выбывало несколько десятков людей.

Богатое казачество, почуяв запах крови и наживы, поднялось поголовно. Станицы превратились в вооруженные лагеря. Ночевать приходилось в степи, выставляя по сторонам сильные дозоры. Мелкие отряды казаков, как стаи волков, рыскали всюду, производили неожиданные нападения, чаще всего ночью, — сжигали на дорогах деревянные мосты, перерывали дорогу канавами.

С Оренбурга полк, истекая кровью, отходил по Исян-Сурскому хребту на Стерлитамак, и через южный Урал в Сибирь. Здесь разбитые части переформировали и опять бросили в бой. Но паника уже сделала свое губительное дело. Червь сомнения и безверия подтачивал малодушных.

Армия отступала и быстро таяла. Частью сдавались в плен, частью разбежались по деревням, — и только отдельные латышские, мадяро-немецкие и, вываренные в котле гражданской войны, немногие русские полки, дрались смело и отчаянно, как львы.

У Байкала, в глухую, дождливую ночь, один из красных отрядов был зажат в тиски с одной стороны „Народной Армией“ с другой — Семеновцами. Всю ночь и весь следующий день гремели орудийные залпы, сверкали молнии взрывов, слышалась трескотня пулеметов и винтовок. А к вечеру, когда в цепи от 800 человек осталось здоровых 50, то держаться дольше не было никакой возможности. Раненых перетаскали в вагоны со снарядами и другими взрывчатыми веществами. Молча простились с ними и взорвали бронепоезд, две своих батареи, снаряды, раненых, — все привели в негодность и взорвали, что можно было взорвать *).

Это было тяжело, но этого требовала необходимость. А сами, нагружившись патронами и провизией, ушли в тайгу. С ними ушел и Чунаков.

... Месяц скитанья по тайге. Несколько человек умерло от истощения. Потом вышли

*) Действительный случай имевший место в 1918 г., во время наступления Колчака, к которому относится настоящий рассказ.

на далекий, суровый, но сказочно красивый Алтай.

Смертельно измученные, голодные и, главное, затравленные рыскавшими по таежным дорогам и горным проходам бродячими инородцами—охотниками, которые за одну винтовку готовы были убить дюжину людей,— красноармейцы забирались в дикие, недоступные горы.

Чунаков хорошо помнил эти пышные, белые гривы, вздымавшиеся за облака, дикие ущелья и бездонные пропасти. Помнил чистые, как зеркала, горные озера, с нависшими над ними крутыми, хмурыми скалами. Когда дни были серые и небо свинцовое, то и озера отливали расплавленной сталью.

Кажется не имеет конца краю темная, молчаливая тайга. В шапках зеленой хвои тихо, словно задумавшись, стоят высокие прямые, как свеча, сосны и пихты. На склонах оврагов сломанные и вывороченные с корнем деревья переплелись своими ветвями и образовали непроходимую чащу. Из тенистых, сырых мест оврагов к солнцу буйно тянется мелкий кустарник.

Трудно было идти: еле заметны тропинки проложенные в тайге зверем или охотниками, часто выводили к жилью, их приходилось миновать и идти целиной. Целыми днями шли они и ничто, кроме хруста сушняку под ногами, не нарушало мертвую тишину тайги. Только по ночам привлекаемые светом костра сбегались голодные кровожадные, таежные звери шакалы, рыси и волки. Но достаточно было произвести один выстрел, как все они с воем шарахались в стороны и убежали.

Наступившие холода согнали красных с высоких, снежных гор обратно в тайгу. Решили пробраться к линии железной дороги и начать партизанские действия против белых.

Еще месяц плутали по мертвенно-тихим, безжизненным урманам (непроходимые чащи), обходили трясинны, торфяные болота и бездонные лесные топи.

Питались кедровыми орехами, в тенистых, сырых местах щипали и ели ягоды голубицы. Иногда удавалось подстрелить лося, соболя, белку. Патроны приходилось жалеть и телеревов и глухарей не стреляли.

Выпал первый снег и пухлыми клочьями повис на ветвях сосен, лиственниц и кедров, которые стояли нешелухнувшись, точно думая какую-то крепкую думу. Патронов оставалось по обойме на человека и пищу стало доставать неоткуда. И вот, еле живые от голода, и изнуренные, все они были вынуждены выйти на глухой сибирский, приисковый поселок. Там их накормили хлебом, молоком. В этот же день на поселок нагрянул разведывательный отряд уссурийских казаков. Произошел короткий, горячий бой, после которого как

с той так и с другой стороны были десятки убитых и раненых. Казаки, озлобленные тяжелыми потерями, шашками порубили взятых в плен здоровых и раненых красноармейцев, оставив в живых только двоих, должно-быть для допроса. Повезли в уездный городишко в тюрьму, где и пришлось просидеть около двух месяцев...

Теперь Чунакова вместе с другими товарищами вели расстреливать.

Начальник верхом на лошади, ехал впереди и должно-быть выбирал место где-бы остановиться. Шли молча, только иногда окривела грубыми окриками и прикладами подгоняла отстававших. В головах осужденных лихорадочно горели и скакали мысли. Каждый перебирал в уме, как страницы интересной книги, прожитые дни и годы. Теперь уже для каждого из них не было возврата к прошлому.

Неожиданно молодой, звенящий голос нарушил молчание.

Дружно, товарищи, в ногу!

То запел хохол Остапенко и еще несколько задорных голосов вестройно, задыхаясь от морозного воздуха и от тяжести неминуемо надвигающейся смерти, подхватили:

Духом окрепнем в борьбе!
В царство свободы дорогу
Грудью проложим себе!

К группе подскакал начальник с длинным, холодно-блестевшим маузером в вытянутой руке.

— Молчать, мерзавцы!

Громче и дружнее зазвенели голоса. На головы и плечи товарищей посыпались удары. Однако это не сломило гордого духа певцов и до самого места расстрела они шли и пели, на зло палачам. Примирились с мыслью о неизбежности смерти, и страха как не бывало. Торжеством победы и криком ликования и большой, светлой радостью звучала боевая песнь.

Остановились у подножья холма на льду, посредине узенькой речушки.

Принесенной пешней наскоро прорубили прорубь и приговоренным приказали раздеваться. Когда все тридцать разделась и остались босиком и в нижнем белье, то их выстроили в шеренгу, и начальник скомандовал:

— Садись!... вашу мать!

Сели на корточки или поджав под себя ноги, прямо в снег.

— Кто первый? Выходи.

— Я!—Отозвался Остапенко и подошел к краю проруби.

— Повернись!—Два дула поднялись в уровень с его лохматой головой.

— Нехай, и так гоже—ответил хохол и стал смотреть прямо в дула винтовок. Скосил глаза в сторону своих и сделал усилие улыбнуться.

— Пли!

Громыкнули в раз два выстрела. Одна пуля образовала чернокровавую дырку над левою бровью, другая—сорвала половинку верхней губы. Стоявшие наготове, по бокам Остапенко два белогвардейца подхватили падавшее тело и ногами спустили в прорубь.

Через минуту тело вынырнуло и над водой показалось синее лицо с разорванной губой и свесившимися на глаза мокрыми прядями волос. Было похоже на то, что мертвец оскалил на своих убийц зубы. Тело штыками протискали под лед.

— Другой выходи!

Вторым вышел пожилой красноармеец Вирюков, бледный с опущенными к низу жидкими усами.

Он потрогал рукой горло и крикнул:

— Товарищи!—и схватившись за грудь закаплялся, хотел еще что-то сказать, но только махнул рукой и, повернувшись к убийцам затылком, зажмурился.

И опять по команде начальника в раз громыкнули два выстрела и новое тело спустили в прорубь.

Третий вышел, не дожидаясь приглашения. Он хотел говорить, но ему не дали.

— Пли!

Из дул винтовок молнией блеснули огоньки. Пули пробиты шею. Товарищ упал, окрашивая вокруг себя лед черной кровью. В горле что-то хлюпало и хрипело. Смертельно раненый он делал движения руками и, казалось, старался подняться. Один из палачей

приставил ему к уху револьвер и выстрелил, тем самым покончив мучения.

— Следующий!

— Скорее возись, ждатель холодно — попросил один приговоренный.

В ответ на это начальник отряда показал на черный квадрат проруби и хмуро бросил: — Там погреемся!

Чунаков смотрел на всё происходящее и ясно представлял себе, что с ним будет.

... Вот сейчас возьмут и расстреляют. Весной река тронется и льдинами разотрет все тело на мелкие клочья. Он был силен и здоров, а потому и умирать ему было страшно. В его теле каждая жилочка плакала и жаледа о жизни. И мозга коснулася острая, как лезвие бритвы, дерзкая мысль. „А что если попытаться?“. Он глазами смерил расстояние от берега до кустарника, который тянулся на много верст.

Больше одного раза не убьют! И он бросился бежать в сторону. Время, за которое он пробежал пять-десять сажен, показалось вечностью.

— Стой! Стой!—слышалось сзади.

Беспорядочно захлопали выстрелы.

Бежать было легко и весело.

„Не попадут“ радостно думал Чунаков и увязая выше колена в снегу, взбирался по крутому обрыву. До кустарника было не так близко, как это казалось с реки; но Чунаков был очень молод и силен. Ему так не хотелось умирать, так не хотелось...

Н. Кочуров.

ГИМН РЕВОЛЮЦИИ.

На смертный бой во имя злата
Нас гнал жестокий Капитал;
Несчастный брат родного брата
Колол штыком, конем топтал!
Но на полях, где гибли силы
И жизнь рабочих многих стран,
Проклятья, трупы и могилы
Открыли хищников обман.
Пробил великий час Свободы,—
Победы нашей грозный час!
Поля, моря, дворцы, заводы—
Все стало наше и для нас!

М. Смирнов.